

СТО ЛЕТ НАЗАД отстремели сражения Гражданской войны на юге нашей страны. Фактически завершился и поединок между советской и "белой Россией" — последующие бои на Дальнем Востоке стали лишь "постскриптумом" основной схватки. Позже эти события разбирали и анализировали с различных точек зрения, различия позиций. Искали ошибки Врангеля, его военачальников и правительства. Строились версии, при каких условиях белые всё же могли бы победить. Или хотя бы удержаться. В перестроечные годы даже стал бестселлером роман Василия Аксёнова "Остров Крым" в жанре "альтернативной истории", где Крым уподоблен острову Тайвань в китайской революции. При поддержке западных держав он отбился от красных, превратившись в маленькое, но процветающее государство, сочетающее наследие "старой России" и достижения "европейского" развития...

В реальности ничего подобного быть не могло. Потому что политические белые проиграли гораздо раньше, чем на поле брани. Чтобы понять это, нужно взглянуть на теньевые причины крушения Российской империи. Она стала слишком сильным конкурентом Англии, США, Франции, и против неё уже давно велась целенаправленная подрывная работа. Первый удар она получила в 1904—1905 гг., когда на войну с британской и американской помощью подтолкнули Японию. Потом Россию вовлекли в Антанту и строили с Германией в мировой войне — причём в ходе боевых действий союзники нанесли ей не меньше вреда, чем противники, постоянно шельмовали, подставляли. А внутри страны эти же союзники вскармливали оппозицию, плели заговоры, вели раскачку государственных устоев.

Но Россия проявила себя настолько сильной и жизнеспособной державой, что даже в таких условиях преодолевала трудности и после череды поражений вновь одерживала блестящие победы. Тогда за дело взялись профессионалы. Сейчас уже известно, что в организации Февральской

мой, посетил Англию и в меморандуме британскому премьеру Ллойд Джорджу откровенно назвал цель предпринимаемых усилий: "Россия вскоре стала бы величайшим военным трофеем, который когда-либо знал мир".

ВОТВЕТ на взятие власти большевиками офицеры, юнкера, гимназисты, студенты, казаки стали формировать на Дону, Кубани, Тереке, на Урале, в Сибири, Забайкалье очаги Белого движения. Но... в том-то и дело, что оно не ставило перед собой целей возрождения былой империи! Монархистов среди белогвардейцев было мало, а большинство — "февралисты", одурманенные "свободами" и "демократией". Кто стал их лидерами? Алексеев — участник заговора против царя, Корнилов, арестовавший царскую семью. Либерал Деникин. В марше корниловского полка звучало: "Мы былого не жалеем, царь нам — не кумир...". Когда против большевиков восстал Дон и избрал атаманом Краснова, был принят свой гимн — старинная казачья песня "Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон". Но слова изменили. Вместо "И послушно отозвался на призыв монарха он", стало "И послушно отозвался на призыв свободы он".

А ведь авторитет царской власти в простом народе существовал. Он формировался веками и за год никак не мог расцаться. Но в отличие от земских ополчений Смутного времени белые начальники от таких способов повести людей за собой отказались. Так за что же оставалось сражаться? За "демократические ценности"? Именно они обрушили Россию в хаос в 1917 г. За Учредительное собрание? Оно было созвано и сразу выплыло в пустую болтовню. Такими же пустыми и жалкими стали правительства "учреждений", возникшие из депутатов этого собрания. Объединяться по признаку "против большевиков"? Но и это было невозможно. Против большевиков выступали и сепаратисты — украинские, прибалтийские, кавказские, среднеазиатские. В

В Сибири чешские войска захватили Транссибирскую магистраль, не пуская на неё русских. А Колчака союзники заставляли отречься от власти и выдали иркутскому "Политцентру". Деникин наступал на Москву, но поляки, которых он считал союзниками, заключили вдвуг с красными негласное перемирие. Советские части с польского фронта развернулись и обрушились на белых с фланга. А когда Юденич шёл на Петроград, неожиданно бросили позиции союзные ему эстонцы. Ушёл британский флот, который должен был прикрывать наступление с моря. Красные бросили свои силы как раз на оголившиеся участки, окружая Юденича.

16 января 1920 г. Верховный совет Антанты принял решение о налаживании отношений с советской Россией, снятии экономической блокады, начале торговли, сулившей западным державам баснословные выгоды. В Лондон для переговоров отправились Красин и Каменев, в Италию — Воровский. Как раз в это время на Кубани был окончательно разгромлен Деникин. Он ещё сумел эвакуировать остатки своих войск в Крым, но сложил с себя полномочия главнокомандующего. На военном совете преемником определили генерала Врангеля. Из-за разногласий с Деникиным он был в отставке, находился в Константинополе.

4 апреля Врангель приехал в Крым. На военном совете новый главнокомандующий изложил, как он видит свои задачи: "С целью вывести армию из тяжёлого положения". Об активных операциях речи не было. Наоборот, в апреле красные атаковали крымские перешейки. Их отбивали. Белые прощупывали возможности эвакуации, переброски на какой-нибудь другой фронт, политического убежища за границы. Но вскоре ситуация резко изменилась.

В собственных игры попыталась играть Франция. Она претендовала на роль лидера в континентальной Европе, в качестве орудий своей политики наметила подготовить себе младших союзников — Югославию, Чехословакию, Румы-

вали пленных. Силились расширить зону действий, в жестоких атаках брали те или иные города, однако тут же следовали контрудары — и они отступали. Отправили отряд полковника Назарова, чтобы поднять Дон. Высадили десант на Кубани. Но их быстро нейтрализовывали, окружали, изгоняли или уничтожали.

А поляки тем временем тоже отступали. Красная армия гнала и громила их, они бежали в беспорядке и панике. Ленин требовал ускорить наступление, Тухачевский писал в приказе по войскам Западного фронта: "На штыках мы принесём трудящемуся человечеству счастье и мир! Вперёд на запад! На Варшаву! На Берлин!" Уже были созданы советские правительства Польши и Галиции. За Польшей лежала Германия — ещё не успокоившаяся после своей революции, за Галицией — такая же Венгрия. И вот тут-то западные державы начали оказывать полномасштабную помощь Врангелю. 11 августа Франция признала его правительство — чего не удостоился даже Колчак. Поставки белогвардейцам возобновила Англия, они получили даже танки. Только теперь поляки удосужились вернуть 15 тысяч солдат генерала Бредова, ещё с февраля интернированных в польских лагерях. Грузия возвратила казаков, интернированных на её территории.

Что ж, замыслы союзников исполнились в полной мере. Армия белых оттянула на себя 14 пехотных и 7 кавалерийских дивизий Красной армии, причём лучших, отборных. Именно это сделало возможным "чудо на Висле", когда Пилсудский, собрав в кулак все резервы, нанёс контрудар, разгромив поредевшую в наступлении группировку Тухачевского. Ход войны переломился, и поляки снова устремились вперёд. Советское руководство правильно оценило опасность, и 5 августа пленум ЦК РКП(б) постановил признать приоритет врангелевского фронта перед польским. А 19 августа Политбюро приняло решение: "Признать врангелевский фронт главным".

Валерий ШАМБАРОВ

ПОЧЕМУ ПОБЕДИЛИ КРАСНЫЕ

К столетию битвы за Крым

нию, — а самой перспективной выглядела Польша, только что воссоединённая из российских, германских и австрийских частей. Государство получило очень честолюбивым, агрессивным, претендовало на давние границы Речи Посполитой от Балтийского до Чёрного моря. В Париже поощряли эти проекты, помогали Пилсудскому вооружаться. Он дождался разрома Деникина, чтобы не подыграть "единой и неделимой". А дальше начал действовать.

21 апреля он заключил договор с разгромленным Петлюрой. Украинские националисты привычно сдали свою страну полякам — точно так же, как перед этим сдавали её немцам. Согласились на отключение Галиции и Волыни, но и оставшая Украина попадала в полную экономическую и политическую зависимость от Польши, уступала ей контроль над железными дорогами, портами, рудными и угольными месторождениями. Украинская армия поступала под командование польских генералов. 25 апреля Пилсудский начал наступление. Его войска опрокинули красных, за десять дней вырвались к Днепру.

ВОЭТОЙ ОБСТАНОВКЕ большевики обратились к патриотическим лозунгам. Призвали перед лицом внешнего врага отбросить политические разногласия, защищать Отечество. В Красную армию потекли офицеры, прежде уклонявшиеся от службы. Пошло много пленных белогвардейцев, казаков. А ликвидация большинства фронтов позволила перебросить против Польши значительные силы. Уже 27 мая на неприятеля обрушились сокрушающие удары Красной армии, взломавшие боевые порядки. В прорывы вошли конные соединения. Под угрозой окружений и обходов поляки покотились прочь. И вот тут-то западным державам опять понадобились белогвардейцы — спасать поляков. Французское правительство известило Врангеля, что будет всячески помогать ему. Глава французской миссии генерал Манжен взял на себя координацию действий белогвардейских и польских войск. А Врангель тоже ухватился за союз с Пилсудским, заявил, что "готов к соглашению чисто военного характера, не затрагивая до конца борьбы никаких эсхатологических политических вопросов". Впрочем, в итоге получилось, что его вошло за нос. Союз так и не был заключён, а координация выразилась лишь в том, что белых окрылили надеждами и подтолкнули к наступлению. В приказах главнокомандующего звучали слова о выходе из трудного положения "не только с честью, но и с победой".

Врангель к этому времени реорганизовал и перестроил свои войска, подтянул дисциплину, даже изменил прежнее полупартизанское название "Добровольческая армия" на "Русская армия". Накануне решающих сражений, 2 июня, он опубликовал свою политическую программу, в которой, в частности, говорилось, что врангелевцы борются "за то, чтобы крестьянин, приобретая в собственности обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом. За то, чтобы истинная свобода и право царил на Руси. За то, чтобы русский народ сам выбрал себе Хозяина". Сам Врангель был монархистом, но слово "Хозяин" с заглавной буквы вызвало возмущённый протест всевозможной "демократической общественности", и главнокомандующий сразу пошёл на попятную, стал разъяснять, что речь идёт о "всенародной выборной власти".

На Турецком валу он приказал вывесить огромный плакат "Перекоп — ключ к Москве", и 6 июня его войска, 30 тысяч штыков и сабель, ринулись вперёд. В напряжённых боях белые провалили позиции красных. Вышли из Крыма на простор Северной Таврии, заняли территорию 300 на 150 км, взяли 10 тысяч пленных. Но и сами понесли серьёзные потери, полностью разгромив 13-ю армию красных, не смогли, для этого не хватило сил. Она сохранила целостность фронта, и белым пришлось вести гибельную для них войну в замкнутом пространстве. Потому что ресурсов у красных было значительно больше. Против Врангеля сразу стали стягивать сильные подкрепления.

Уже 28 июня началась операция против белых. Отдельный кавалерийский корпус Жлобы и другие свежие соединения врвались по флангам, чтобы отсечь белых от крымских перешейков, окружить и уничтожить в степях.

В начале августа последовала вторая аналогичная операция. Войска Врангеля, чтобы восполнить потери, мобилизовы-

Обстановка была тяжёлой, страна крайне устала от Гражданской войны. В Тамбовской и Воронежской губерниях начиналась антоновщина, Поднепровье охвачено махновщиной, Правобережная Украина кишела отрядами "батек" всех мастей. Врангель мог стать центром консолидации всех антисоветских сил. Против него развернули уже не одну, а четыре армии. 20 августа началась третья операция по ликвидации его армии. Её опять удалось отразить. Но при попытках отбить у красноармейцев сильно укреплённый Каховский плацдарм на Днепре, нацеленный на Перекоп, белые потеряли 3 тысячи человек и 6 танков.

За счёт мобилизации, возвращённых интернированных, кубанских "зелёных", расформирования тыловых органов, пленных Врангель сумел пополнить состав своей армии до 44 тысяч штыков и сабель при 193 орудиях, 998 пулемётах, 34 аэропланах, 26 броневиках, 9 танках, 19 бронепоездах. Главнокомандующий задумал решающий удар — прорваться на запад, на соединение с наступающими поляками. 14 сентября белогвардейцы начали отвлекающие атаки. На востоке — на Донбасс, на севере — на Александров (Запорожье). Но и советские силы действовали против них (60 тысяч человек, 451 орудие, 2137 пулемётов, 42 аэроплана, 12 бронепоездов, 3 танка, 14 броневиков), были в это время выделены в новый, Южный фронт. Командующим был назначен Михаил Васильевич Фрунзе.

ТАКОЙ ВЫБОР советского руководства оказался очень удачным. Фрунзе был профессиональным революционером, но не принадлежал к группировке Троцкого, связанной с мировой закулисой и американско-британскими теневыми силами. В Красной армии он стал как бы антиподом высокомерного и всемогущего Льва Давидовича, нередко действовал вопреки его указаниям. Любому другому такая независимость как минимум стоила бы должности, а скорее — головы. Но Фрунзе высоко ценил Ленин как уникального военачальника из партийцев, он был вхож к Владимиру Ильичу, обращался к нему через головы военного начальства. И Троцкий лишь исподтишка пакостил ему — например, при наступлении на Туркестан лишил целой 4-й армии, переводя её в разряд "трудовой" и направив строить нефтепроводы.

В отличие от того же Льва Давидовича Фрунзе всегда действовал честно и благородно, избегал жестокости. Он принял командование 4-й армией в тот период, когда она взбунтовалась, перебила комиссаров, члена Военного совета и представителей ВЦИК. Но Михаил Васильевич обошёлся вообще без репрессий, не назначил даже расследования. Наверное, доложил, что виновные сбежали, а мятежников простил, подписав приказ: "Преступление перед советской властью смывать своей кровью". И завоевал среди них личный авторитет, возглавив атаку с винтовкой в руках.

Чтобы сломить ожесточённое сопротивление уральского казачества, Фрунзе специально эзидил в Москву, выхлопотал у Ленина полную амнистию для сдающихся. Такими же мерами сумел замирить семилетнее казачество. В Туркестане Троцкий оставил ему ничтожные силы — 20 тысяч человек. Но амнистиями и мудрой дипломатией Михаил Васильевич перетянул на свою сторону значительную часть местных басмачей. В РККА Фрунзе был очень популярен.

Врангель не был ни политиком, ни дипломатом. Не уделял должного внимания агитации и пропаганде. Правда, деникинский "Осваг" он разогнал, заменив отдел печати при начальнике гражданского управления, но в нём очутились те же или такие же журналисты, писатели, общественники, желавшие только заработать на жизнь, заполнявшие газеты и журналы шапкозакаидательской халтурой. Да и эти газеты издавались маленькими тиражами, а на фронт попадали в ничтожном количестве, оседая в штабах и канцеляриях. "За-кон о земле", который Врангель считал своим козырем (земля закреплялась за крестьянами, захватывшими её в ходе репрессий, но за это надо было 25 лет платить пятую часть урожая, и тогда она переходила в полную собственность), осталось неизвестным большинству населения. Его развезли лишь по 500 экземпляров на корпус, причём не раздавали, а продавали по 100 рублей за экземпляр. А казаки сразу испортили отношения с крестьянами, реквизируя лошадей. Затянувшаяся Гражданская война уже совершенно измучила народ, и мобилизации в Белую армию срывались.

Красный командарм Михаил Фрунзе

Провозглашалось, что борьба идёт за поруганную веру, но крымского епископа Вениамина Врангель в качестве своей опоры не использовал — тот слыл лидером "крайне правых", и главнокомандующий держал его на отдалении, не желая раздражать "демократов", даже на фронт с собой не брал. Да и вообще развернуть широкую агитацию через духовенство генерал не счёл нужным. Возможно, полагал это слишком несовременным.

Выражалась готовность объединиться с другими антикоммунистическими силами. Велись переговоры с Махно, "зелёными", правобережными повстанцами, украинскими националистами — при крымском правительстве возник "Украинский национальный комитет" во главе с приехавшим из Парижа видным украинским националистом Маркутоном. При этом главнокомандующий раздавал щедрые авансы. Украинцам и казачьим самостийникам Дона, Кубани, Терека, Астрахани он наобещал полную независимость в их внутренних делах. Но тем самым фактически перечеркнул идею "единой и неделимой", хотя практическая ценность от таких "союзов" была нулевой. Для Махно Врангель оставался "контрреволюционером", и батька только морочил голову переговорщикам. Он предпочитал гулять сам по себе и выбирал лишь, чьи тылы ему в данное время выгоднее потрошить — красные или белые. В самом Крыму воево безобразничали банды "зелёных", и против них приходилось отвлекать воинские части под командованием генерала Носовича.

Фрунзе действовал гораздо более грамотно. Делегатов Махно пригласил в Харьков, им обещали помочь снабжением и оружием, признали полную самостоятельность батьки, разрешили свободно набирать в своё войско жителей Поднепровья и Таврии. Заключили соглашение о совместных действиях против Врангеля. А важность пропаганды Михаил Васильевич понимал как никто другой. Прифронтовую полосу регулярно снабжали газетами. Доходило до того, что и белогвардейцы узнавали из них последние новости. Ну а агитационные лозунги были простыми и понятными. Покохним с Врангелем — конец Гражданской войне. Тогда, глядишь, и жизнь наладится. На стороне Фрунзе были и патриотические чувства: разве Врангель не выступал союзником польских захватчиков? Не исполнял пожелания западных "союзников"?

ВПОЕДИНКЕ двух командующих выявилась ещё одна парадоксальная особенность. Врангель, профессиональный военный, был отличным командиром — но не полководцем. Тактиком, а не стратегом. Поэтому все его боевые действия с момента прорыва из Крыма, по сути, представляли собой цепочку тактических операций. Местные победы, но без решающего успеха. А вот Фрунзе, не имевший военного образования, был именно полководцем. Имел прирождённый талант, совершенствовал его, самостоятельно изучая военное дело. Привлекал лучших специалистов вроде генерала Новицкого. И опыт имел уже изрядный. Во главе группы из четырёх армий, а потом всего Восточного фронта наголову разгромил наступавшего Колчака. Блестящей операцией, трёхдневным "блицкригом" сокрушил гнездо басмачей — Бухарский эмирят.

На Южный фронт Фрунзе прибыл 26 сентября, в разгар белого наступления. Сразу понял, что атаки в восточном и северном направлении не сулят Врангелю никакого серьёзного выигрыша. Значит, они отвлекающие и главный удар ещё впереди. Михаил Васильевич догадался, где он может быть. На западное направление, на прикрытые переправы через Днепр, выдвинул 2-ю конную армию Миронова, группу Федько. Он оказался прав. 8 октября основные белые группировки начали форсировать Днепр у острова Хортица и Никополя. Заявлялось упорное встречное сражение, и Фрунзе бросил сюда свежие резервы, которые держал наготове. 13 октября контратаки Миронова расклекли боевые порядки противника, красные вышли к Днепру. Вот тут-то и сказался тот факт, что белые войска в непрерывных боях пополнялись пленные, мобилизованными, "зелёными". Их боевые качества снижались сперва как будто незаметно, а сейчас они сползали: белые побежали в полном беспорядке, сменяя друг друга в давке на дорогах в переправах, бросая обозы, артиллерию.

Врангелевцы ещё не знали, что в эти же самые дни, 12 октября, когда они пытались пробиться навстречу полякам, в Риге правительство Пилсудского подписало с большевиками перемирие. Вместо "линии

Керзона", намечавшейся в качестве границы, паны получили ещё Западную Украину, Западную Белоруссию, добавили скрытую контрибуцию в 30 млн. золотых рублей и имущества на 18 млн. золотых рублей. О союзниках-врангелевцах поляки на переговорах даже не вспомнили. И западным державам белогвардейцы снова стали не нужны.

В этой ситуации Михаил Васильевич Фрунзе ждал, когда придут новые силы, направленные в его распоряжение. Врангель получил двухнедельную передышку, смог подлатать "дыры" в поредевших частях, привести их в порядок. Фрунзе это не пугало. За это же время он получил гораздо больше пополнений, сформировал из них ещё одну армию и новый кавалерийский корпус. С польского фронта пришла 1-я конная армия. Суть плана оставалась той же, что и раньше. Но соотношение сил изменилось. Против 38 тысяч бойцов, 249 орудий и 1 тысячи пулемётов Белой армии было сосредоточено 144 тысячи красноармейских штыков и сабель с 527 орудиями и 2664 пулемётами. И ударов предусматривалось уже не два, а четыре. Белые войска планировалось окружить, отрезать от Крыма и рассечь на части.

Сражение грозило обороту у Каховского плацдарма, в прорыв вошла армия Будённого, ринулась по тылам, перерезая пути отхода. Окружение завершилось. Сам Врангель в Крыму лишился связи со своими соединениями. Передовые советские части с ходу атаковали Турецкий вал, но гарнизон всё же отразил их. Белый генерал Кутепов с отборными частями — корниловцами, марковцами, дроздовцами, конницей Барбовича — 31 октября навалился на будённыхцев, разделивших свои дивизии по нескольким сёлам. Расчитил себе дорогу на Чонгарский полуостров и Генический мост и 3 ноября, пропустив последние колонны, уничтожил за собой мосты.

Фрунзе, оценив прорыв неприятелей, принялась готовить штурм без малейшей передышки. Учитывать, что Белая армия ослаблена, только пленными потеряла 20 тысяч, и не желал давать ей времени оправиться и закрепиться. Действительно, даже выскребая все резервы, поставив в строй тыловиков, Врангель собрал на фронте лишь 22–23 тысячи штыков и сабель. На главных направлениях Фрунзе сумел создать почти десятикратное превосходство. В лоб Перекоп атаковала группа Блюхера, три колонны обходили через Сиваш, вспомогательный удар намечался на Чонгарском полуострове. Погода благоприятствовала замыслам. Западный ветер отогнал вал из Сиваша, ударил мороз минус 12, сковал грязь.

7 ноября началась разведка боем, а в ночь на 8 ноября — общее наступление. И опять оказалась большая разница в качестве разных подразделений белых. Побережье Сиваша охраняла бригада генерала Фостикова из разнороднейших кубанских повстанцев и "зелёных". Неожиданно появившиеся красноармейцы сразу сблбили её с позиций. Но подоспел резерв, корниловцы и марковцы штыковыми контратаками отбросили вышедшие из Сиваша части, которым удалось зацепиться лишь на кромке берега. Однако на этот плацдарм подтягивались новые соединения. Когда прибыли две свежие кавалерийские дивизии, красные заставили противника отступить. Точно так же на Турецком валу цепились дер держалась Дроздовская дивизия. Атаки красных, волна за волной, не приносили успеха. Лишь ночью белые узнали, что с побережья Сиваша советские соединения вышли им в тыл, и штыками пробили лес из окружения.

Но отступили только до Юшны. Здесь была вторая линия обороны, две линии окопов в промежутках между озерами. Сюда выдвинулась красная артиллерия — 150 орудий, обрушивших шквальный огонь на противника. Схватка разгорелась упорная, два дня стороны схлестывались в атаках и контратаках. Наконец стало сказываться, что белым восполнять потери просто нечем. Врангель направил сюда свой последний резерв — конницу Барбовича. Снял с Чонгарского направления Донской корпус. Навстречу Барбовичу Фрунзе бросил 2-ю конную армию. 11 ноября юшунская оборона пала. А уходом донцов воспользовалась 4-я армия, стала переправляться на Чонгар. Белые повернули корпус назад, но вырваться положение он уже не смог. Красноармейцы навели мост, по нему двинулись конница и артиллерия. Красная армия стала вливаться на полуостров с двух сторон.

12 ноября Врангель отдал приказ об эвакуации.

16 ноября Фрунзе доложил об окончании войны и ликвидации Южного фронта.

Белый генерал Пётр Врангель

революции главную роль сыграли британские дипломаты и спецслужбы. Об этом сохранились донесения французской разведки. Впрочем, французы ничуть не возражали. Озаботились лишь тем, как бы не пострадали их собственные интересы.

В результате никчёмные лидеры оппозиции стали такими же никчёмными министрами, разрушая собственную страну неограниченными "свободами". Они были готовы выполнять любые указания западных покровителей, заключать кабальные экономические соглашения. И сложилась ситуация, которая, в общем-то, устраивала Англию и Францию. Революция подорвала силы России, заключённые с царём о передаче русским Константинополь, черноморских проливов и пр., можно было не выполнять. При передаче сфер влияния после войны интересы России можно было не учитывать.

А США шли гораздо дальше. По замыслам их политиков, России предстояло пасть окончательно. Выбыв из числа великих держав, конкурентов Америки и победителей в мировой войне, попасть под раздел наряду с побеждёнными. Детали такого плана нетрудно увидеть в опубликованных ныне письмах и дневниках "серего кардинала" президента Вильсона Манделя Хауза. А в июне 1917 г. США посетил министр иностранных дел Англии Бальфур, и Хауз на переговорах сделал ему два предложения. Первое: при последующем переделе мира действовать вместе, ограничивая интересы Франции, Италии, Японии. Второе: вместе нацелить острей политики против "русской опасности". Британская элита поддержала идею.

И раскрутился виток второй революции. В рядах ближайших советников Керенского очутились американский полковник Раймонд Робинс, агент британской МИ-1С (будущая МИ-6) Сомerset Моэм. Стоит ли удивляться, что министр-председатель принимал худшие из возможных решений и, по сути, без боя сдал власть Ленину и Троцкому? Глава неофициальной американской разведывательной миссии США в России и один из директоров ФРС США Уильям Бойс Томпсон, возвращаясь после октябрьского переворота до-

итоге выработалась формула некоего аморфного, обезличенного патриотизма: "За единую и неделимую". Но формула была деполитизированной, и это — в политической войне!

Белое руководство вообще не ставило во главу угла задачу создать себе широкую опору в народе. Не использовало ни русских национальных, ни православных идей. Судя по всему, и не представляло, как к этому подступиться. Вместо этого возлагало надежды на помощь союзников, провозглашало незыблемую верность им, хотя это обернулось жестоким самоубийством. Ллойд Джордж в британском парламенте высказывался открытым текстом: "Целесообразность содействия адмиралу Колчаку и генералу Деникину является тем более спорным вопросом, что они борются за единую Россию. Не мне указывать, что отвечает на этот лозунг политике Великобритании".

Истинные замыслы "союзников" открылись по окончании мировой войны, когда в Версале собралась конференция по переустройству земного шара. 22 января 1919 г. президент США Вильсон от имени Верховного совета Антанты отписал обращение "Ко всем организованным группам, осуществляющим или пытающимся осуществлять политическую власть или военный контроль в Сибири и Европейской России". Всем таким "группам" — красным, белым, националистам — предлагалось провести конференцию на Принцевых островах, на которой державы Антанты выступят посредниками и помогут договориться о прекращении войны, о границах. Россия расчленилась на множество частей!

Черчилль впоследствии признавал: "Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Наоборот, русские белогвардейцы сражались за наше дело". Впоследствии все белые правительства, цеплявшиеся за союз с Антантой, получили от неё удары в спину.